

Г. Ф. Шершеневич

Избранные труды по общей
теории права, гражданскому
и торговому праву

Том 1

Составитель — В. А. Белов

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 34
ББК 67
Ш50

Автор:

Шершеневич Габриэль Феликсович (1863–1912) — знаменитый русский цивилист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной думы.

Составитель:

Белов Вадим Анатольевич — доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Шершеневич, Г. Ф.

Ш50 Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву. В 2 т. Том 1 / Г. Ф. Шершеневич ; сост. В. А. Белов. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 284 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-04837-7 (т. 1)

ISBN 978-5-534-04838-4

Габриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912) — один из величайших русских ученых-цивилистов, педагогов и просветителей. Издание включает в себя работы, мало известные современному читателю — очерки по истории кодификации гражданского права, ряд статей по вопросам общей теории права и гражданского права, отдельным вопросам гражданского и торгового права, а также его работы публицистического характера.

Для студентов, преподавателей, научных и практических работников, всех тех, кто изучает право вообще и гражданское право в особенности.

УДК 34
ББК 67

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-04837-7 (т. 1)
ISBN 978-5-534-04838-4

© Белов В. А., составление, предисловие, 2017
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Малоизвестный Шершеневич (предисловие составителя)	5
Памяти Г. Ф. Шершеневича (Б. Сыромятников)	9
Памяти Г. Ф. Шершеневича (А. Васильев)	12
Габриэль Феликсович Шершеневич (В. Краснокутский)	15
Памяти двух русских цивилистов (М. Пергамент)	20
Габриэль Феликсович Шершеневич (М. Винавер)	25
Профессор Шершеневич и его труды. Критические заметки (И. В. Грин)	32
Вместо предисловия	32
Глава I	33
Глава II	42
Глава III	42
Заключение	44
Профессор Г. Ф. Шершеневич и «Юрист» Грин (М. А. Колосова)	45
Предисловие	45
Разбор	47
Глава I	47
Глава II	51
Заключение	51
Понятие и сущность гражданского права	52
К вопросу о сущности гражданского права	52
Понятие о гражданском праве	64
§ 1. Постановка вопроса	64
§ 2. Различие с материальной точки зрения	67
§ 3. Критика материальной теории	69
§ 4. Различие с формальной точки зрения	70
§ 5. Критика формальной теории	72
§ 6. Установление различия	74
§ 7. Государство как субъект частноправовых отношений	77
§ 8. Вопрос об имущественном характере гражданского права	79
§ 9. Развитие различия между публичным и гражданским правом	81
Задачи и методы гражданского правоповедения	87
§ 1. Задачи гражданского правоповедения	87

§ 2. Догматический метод	91
§ 3. Теория гражданского права	100
§ 4. Научный характер догматики	102
§ 5. Исторический метод	104
§ 6. Социологический метод	108
§ 7. Политический метод	113
Очерки по истории кодификации гражданского права.....	119
История кодификации гражданского права в России	119
§ 1. Древнейший период	119
§ 2. Период местных прав	127
§ 3. Судебники	136
§ 4. Уложение Алексея Михайловича	142
§ 5. Кодификационные попытки XVIII века	156
§ 6. Кодификационные попытки в царствование Александра I	163
§ 7. Свод законов	171
§ 8. Кодификация местного права	187
§ 9. Задачи кодификации гражданского права в России	195
Франция	208
I. Галльский период	208
II. Римский период	209
III. Франкский период	212
IV. Феодалный период	215
V. Монархический период	224
VI. Революционный период.....	235
Германия.....	250
Италия.....	277

Малоизвестный Шершеневич (предисловие составителя)

Г. Ф. Шершеневич (01.01.1863 — 31.08.1912) известен современным читателям в основном как *цивилист* и *коммерциалист*, притом, в первую очередь, как *профессор* — автор фундаментальных университетских учебников и курсов по гражданскому и торговому праву. Именно на эту — педагогическую, преподавательскую, наставническую — сторону творческой деятельности Габриэля Феликсовича традиционно обращают внимание авторы большинства публикаций о нем; не составили исключения и наши сочинения на эту тему — небольшая книжка¹ и предисловия к недавним переизданиям его «Курса» и «Учебника» по торговому праву, выпущенным в свет издательством «Юрайт»². Предметами более ранних переизданий, осуществлявшихся разнообразными издательствами, также становились почти исключительно одни только *учебники* и *курсы гражданского и торгового права* этого автора. Сложилось впечатление, что этими учебниками и курсами творческое наследие Маэстро и исчерпывается.

Предлагаемое вниманию читателей издание призвано скорректировать (уточнить) этот, вполне установившийся на сегодняшний день, но несколько односторонний взгляд. Оно включает в себя работы, малоизвестные современному читателю и проливающие свет на жизнь и деятельность Г. Ф. Шершеневича с несколько иной, может быть, неожиданной стороны. Как можно заметить уже по оглавлению, издание это составили, с одной стороны, работы Шершеневича-*ученого*, т.е. публикации хотя и чисто цивилистического, но уже *не учебного, а сугубо научного назначения*; с другой — произведения Шершеневича-*историка и теоретика права и государства, Шершеневича-публициста, популяризатора права, просветителя и практика*. Коротко говоря, *цивилистическая* часть печатаемых здесь работ призвана показать нам Шершеневича не столько профессора, сколько *доктора* права, не столько педагогического, сколько *научного* работника. Что же касается работ, не имеющих отношения к цивилистике, то они должны познакомить читателя с тем Шершеневичем, который куда как шире и больше, чем *цивилист* и *коммерциалист*. Труды Шершеневича позволяют подготовиться к занятиям не только по гражданскому

---

¹ См.: Белов В. А. «Молодой, горячий, изящный Шершеневич»: памяти коммерциалиста и цивилиста. М., Периодика, 2014. 160 с.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права (по изд. 1908—1912 гг.). — Т. 1. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 5—13; *Его же*. Учебник торгового права (по изд. 1907 г.). М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 7—15.

и торговому (коммерческому) праву, но также и по *истории* права — как отечественной, так и всеобщей; по *теории* государства и права, по *философии* и *социологии* права, по праву *конституционному* (*государственному*), по *юридической технике* (как законодательной, так и правоприменительной), по *методологии* юридической деятельности, как *научной*, так и *практической*. И уж конечно нельзя не прочесть тех публикуемых здесь работ, которые предназначены помочь молодым читателям составить собственное обоснованное (!) мнение по ряду непростых *общественно-политических вопросов* — вопросов, которые, несмотря на прошедшие со времени их рассмотрения Профессором, десятилетия, остаются ничуть не менее злободневными, чем прежде.

Судьба печатаемых здесь работ сложилась по-разному. Некоторые из них (в частности, статьи по вопросам теории гражданского права, по теории права вообще, по истории источников гражданского права в России) позднее в более или менее переработанном виде стали фундаментами и краеугольными камнями соответствующих глав его учебников и курсов. Но большинство работ, составивших настоящую книгу, оказались в менее завидном и совершенно не соответствующем ни своему научному достоинству, ни своей практической ценности положении. Напечатанные лишь *однажды и весьма скромными тиражами*, они быстро превратились в библиографические редкости, теперь имеющиеся далеко не во всех библиотеках. Тем не менее, большинство из них по-прежнему представляют ценность для юристов, притом как ученых, так и практиков. Заметки этого типа составляют в основном заключительную (четвертую) часть настоящего сборника. Одни из них — *готовые лекции* (части лекций) по определенным темам (о чеках, о текущем счете, об оптовой и розничной торговле); другие — *образцы устной и письменной полемики*, притом имеющей место не только в рамках научных конференций, статей и монографий, но и на уровне процессуальных бумаг, сегодня обычно называемых *экспертными юридическими заключениями* или заключениями специалистов (о юридической силе уставов акционерных компаний, о последствиях безвестного отсутствия, об ответственности железной дороги за просрочку в доставке грузов); третьи — замечательные иллюстрации того, как можно *находить и анализировать юридическую сторону в каждом, даже самом обыденном, на первый взгляд, совершенно бытовом (неюридическом) предмете или явлении* (о юридической природе игральных карт, о насмешке, о юридической стороне действий героев Максима Горького).

Наконец, особо следует отметить печатаемый ряд заметок, которые в свое время дали повод одному из современников сравнить профессора Шершеневича с рыцарем, сражающимся не только мечом профессионала (специалиста-юриста), но и *щитом Гражданина* (о профессорском гонораре, о порядке приобретения ученых степеней, о чувстве законности). Того самого Гражданина (с большой буквы), сан которого К. Ф. Рылеев старался не опозорить и того самого, об извечном недостатке которого у нас в России так переживал Н. А. Некрасов:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?!

...

Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждán!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!

...

Если вспомнить, что в настоящее время, славящееся способностью подвергать сомнениям буквально все и вся, объявляя вопросы вполне ясные *неоднозначными*, а вопросы действительно неоднозначные — так и вовсе решения не имеющими, то станет понятно, что образ Шершеневича-воителя, вооруженного щитом Гражданина, сегодня едва ли не важнее того традиционного представления о нем, в котором его энергичная фигура соединяется с университетской кафедрой (пыльной библиотечной полкой, заваленным книгами письменным столом и т.п.). А потому — особая персональная благодарность нашему коллеге, российскому юристу *Илье Сергеевичу Новикову*, любезно предоставившему для настоящего переиздания большинство публицистических материалов «казанского» периода творчества «Молодого, горячего, изящного Шершеневича» (характеристика, данная нашему герою М. М. Винавером). Как точно и емко выхвачены и оттенены ею три главные стороны натуры Габриэля Феликсовича! —

— *искренность, энергия и полнота сил душевной молодости:*

Не уйти, не раздать, не избыть
Этот гнет молодого томленья,
Это грозное чувство судьбы,
Так похожее на вдохновенье.

— *самозабвенное (горячее) служение отечеству* — почетный, хотя и не легкий Гражданина сан:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг! Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

— и *изящество настоящего* (интеллигентного, глубоко образованного, широко эрудированного) *ученого* — такое изящество, которое делает ученого сродни Поэту:

Изведать то, чего не ведал сроду,
Глазами, ртом и кожей пить простор.

Кто в океане видит только воду

Тот на земле не замечает гор.

Да, конечно, все — суета сует; все преходяще и нет ничего нового под Солнцем; да, конечно, придет время сказать нечто вроде:

Прощай, размах крыла расправленный,

Полета вольное упорство,

И образ мира, в слове явленный,

И творчество, и чудотворство.

Но пока оно не пришло — грех не пользоваться теми возможностями и дарованиями, которыми наделил тебя Господь. И Габриэль Феликсович пользовался и тем и другим в полной мере, свидетельством чему — переиздаваемые в этой книге работы, до сего времени оставленные без должного внимания. Надеемся, что читатели не только оценят их по достоинству, но получают и пользу, и удовольствие, и даже эстетическое наслаждение.

г. Москва,

12 мая 2017 г.

В. А. Белов

доктор юридических наук,

профессор кафедры коммерческого права

и основ правоведения юридического факультета

МГУ имени М. В. Ломоносова

Памяти Г. Ф. Шершеневича (Б. Сыромятников)

† 31 августа 1912 г.

В лице так неожиданно скончавшегося Габриэля Феликсовича Шершеневича русское общество понесло новую и тяжкую потерю. Сошел в могилу один из выдающихся деятелей на поприще науки и гражданственности, деятель редкой — особенно в наше малодушное время — стойкости убеждений.

Это был человек, в полном смысле слова, «aus einem Guss», с ясным и цельным мирозерцанием, твердой волей, большим темпераментом. Мыслить для него значило действовать; действовать, творить и бороться. Это была, действительно, в высшей степени активная жизненная натура. Замкнуться в «тиши кабинета» Г. Ф. не мог: все, что волновало жизнь кругом него, волновало столь же сильно и его самого, и он сознательно принимал вызов событий, мужественно боролся и никогда не бросал своего «щита». Оставаясь видным ученым, блестящим профессором, он в то же время заявлял себя как крупный общественный деятель и славный гражданин своей родины. И всегда и везде, на всех путях своей многосторонней жизни, и в своих ученых трудах, и как общественный работник и член академической коллегии, и как первоизбранный народный представитель Г. Ф. всегда являлся одним и тем же воодушевленным *борцом за право*. «Теория» и «практика» в его глазах были неотделимы, а потому и «бремя» жертв, принесенных им в борьбе за политическую и академическую свободу, было для него «легко», как всякое дело совести и искреннего убеждения. Поэтому, не зная душевного разлада, Г. Ф. до последнего мгновения не утратил той бодрости и благородства духа, которых не могли сломить в нем ни тюрьма, ни вынужденный разрыв с университетом. В Г. Ф. Шершеневиче таился как будто бы неистощимый запас энергии и веры в жизнь, которая воодушевляла его и заражала других. И это бодрящее настроение целиком проникало личность почившего, определяя вместе с тем его отношение к науке и жизни, которых он никогда не разделял. В последнем смысле можно было бы сказать, что Г. Ф. не только вносил в науку жизнь, но и шел с наукой в жизнь. Вот почему в нем так гармонически сочетались ученый и профессор с гражданином и общественным деятелем, и он с таким увлечением отдавался широкой пропаганде правовых идей. С особенным сочувствием должна быть поэтому отмечена та сторона, общественной деятельности Г. Ф., которая при его жизни оставалась как бы в тени, заслоненная его академическим именем и выступлением на политической арене в качестве депутата 1-й Государственной думы. Мы разумеем в дан-

ном случае выдающиеся заслуги Г. Ф. Шершеневича как чисто *культурного* работника, немало потрудившегося на ниве *демократизации просвещения*.

Г. Ф. отлично сознавал, как тесно органически связана у нас в России великая очередная историческая задача политического освобождения страны с проблемой культурного раскрепощения коснеющей веками во «власти тьмы» многомиллионной массы народа. Ему было ясно, что утверждение начал правового государства в стране, еще не изжившей традиции крепостнического режима может быть прочно только при широком развитии *правосознания* в массах, при общем культурном подъеме их. Понятно, что при таких условиях Г. Ф. с особенным сочувствием отнесся к движению «народных университетов», возникшему у нас в момент всеобщего оживления в стране. Едва только он появился в 1906 г. в московском университете, как мы видим его уже в первых рядах руководителей и организаторов только что учрежденного в древней столице «московского общества народных университетов». Г. Ф. входит тотчас же в состав правления молодого общества и затем до самой своей смерти не покидает в нем поста товарища председателя. Одновременно он принимает на себя обязанности председателя группы преподавателей по общественно-юридическим наукам и с присущим ему организаторским талантом приступает к созданию столь блестяще поставленного им «юридического отдела» народного университета. В следующем году он с таким же вниманием и любовью к делу берет на себя осуществление задуманной обществом «библиотеки» научно-популярных изданий народного университета и первый вносит ценный вклад в эту библиотеку опубликованием своего общедоступного курса по «Общему учению о праве и государстве», создав таким образом образец для целой серии последовавших затем под его редакцией аналогичных изданий. При этом Г. Ф. продолжает являться постоянным и одним из самых деятельных членов правления, где его горячая, убежденная речь непрерывно звучала в течение последних шести лет его жизни. И здесь, в сфере культурно просветительной деятельности, Г. Ф. заявил себя не только как компетентный и неутомимый деятель, но и как редкий товарищ и сотрудник, работать с которым было истинным удовольствием. Джентльмен по натуре, человек принципа во всем, Г. Ф. всегда в первую очередь ставил интересы дела, с редким тактом отстраняя все личное, что только мешает общественной работе, излишне её осложняя. И в Г. Ф., действительно, удивительно счастливо соединялись лучшие качества общественного деятеля, особенно ценные в той области, в какой призваны действовать просветительные организации, подобные «обществу народных университетов». Богатый личной инициативой, замечательный организатор, Г. Ф. Шершеневич вместе с тем был и блестящим лектором-популяризатором в народной аудитории. Едва только он выступил на кафедре народного университета перед многочисленной демократической аудиторией, как с первых же дней сделался одним из самых популярных и чтимых лекторов среди рабочей аудитории Общества. Его курсы (общей теории права, социологии, истории политических учений), несмотря на их теоретический, объективно-научный характер, вызывали энтузиазм его слушателей, и аудитория провожала своего любимца восторженными овациями. При этом сам

лектор был увлечен не менее аудитории, которой невольно передавалось высокое настроение талантливого профессора. И Г. Ф. очень дорожил своими чтениями в народном университете, со страстью отдаваясь пропаганде правовых идей, но никогда не внося «пристрастия» в свои научные чтения. Глубоко скорбел он поэтому, когда «по независящим обстоятельствам» он вынужден был отстраниться последние два года от лекторства в народном университете.

Легко понять, какой удар нанесла преждевременная смерть Г. Ф. не только «московскому обществу народных университетов», но и всему делу демократизации просвещения. Небогата наша страна такими бескорыстными и выдающимися поборниками просветительного дела! Тем более чувствительна и тяжела потеря! Как редко, в самом деле, люди науки, стоящие на вершинах культуры, снисходят у нас в ту среду, где так еще темно, где миллионы пасынков современной цивилизации томятся целыми столетиями в беспросветной ночи невежества, духовной и материальной нищеты, брошенные на произвол судьбы. Как глубока еще историческая пропасть, отделяющая в России так называемое «образованное» меньшинство от массы «народа», и как слабы еще усилия русского общества, направленные к тому, чтобы перебросить мост через эту страшную пропасть. Г. Ф., не колеблясь, пошел навстречу вновь пробудившемуся народному сознанию в годину исторической «весны русской жизни». Он понес светоч знания народу, и «труждающиеся» увидели в нем своего друга и откликнулись на его благородную речь. И можно смело сказать, что культурный посев, сделанный Г. Ф. Шершеневичем в аудитории народного университета, не заглохнет и даст всходы, а вместе с тем не умрет в летописях народного просвещения и светлое имя того, кто так честно послужил словом и делом свободе, праву и культурному возрождению родной страны.

Текст печатается по изданию:
Вестник Воспитания. 1912. № 6. С. 1—5.

Памяти Г. Ф. Шершеневича (А. Васильев)

Слово, сказанное в заседании Педагогического общества при Императорском Казанском Университете 25 сентября 1912 г.

Неожиданное известие о смерти Г. Ф. Шершеневича горячо потрясло всех знавших, любивших и уваживших покойного и всколыхнуло в них многие воспоминания об этом выдающемся по уму и сердцу и отзывчивом на все доброе человеке. Припомнились последние годы XIX столетия. Общественное движение проявилось тогда прежде всего повышением интереса к педагогическим вопросам; в эту эпоху «сердечного попечения» снят был запрет с публичного обсуждения вопросов семейного и школьного воспитания; явилась возможность открыть педагогические общества. В Казани инициатором педагогического движения, внесшим в работу кипучую энергию, вполне отдавшим себя этому делу, учредителем и нашего Педагогического Общества и семейно-педагогического кружка был профессор греческой словесности Федор Герасимович Мищенко. На его призыв к учреждению Педагогического Общества и к деятельности в нем отзывался и покойный Г. Ф. Шершеневич. Все делало из него неоценимого сотрудника в работе юного общества: и широкое философское образование, и практическое знакомство с вопросами не только высшего, но и среднего образования. О широком философском образовании свидетельствуют его лекции по философии права и по социологии; цивилист и специалист по торговому праву Г. Ф. горячо интересовался вопросами права, его философией и философией вообще. С постановкою среднего женского образования Г. Ф. был знаком по обязанности члена попечительного совета Мариинской женской гимназии, возложенной на него казанскою городской думою. Для многих, для большинства обязанность члена попечительного совета является синекурою, к ней относятся небрежно. Не так к ней относился покойный Шершеневич. Он внес и в эту обязанность свою практичность, свою поражающую трудоспособность, и Мариинская гимназия многим обязана нашему покойному сочлену. В те же последние годы XIX столетия Г. Ф. Шершеневич принадлежал к той группе главных казанской городской думы, которые подняли вопрос о необходимости учреждения в Казани, в этом важном торговом пункте Волжско-камского края, коммерческого училища. Прекрасное здание коммерческого училища, возвышающееся на Арском поле, внешнему виду которого отвечает, сколько мне известно, и внутренняя сторона — прекрасная постановка образования — обязано своим возникновением Г. Ф. Шершеневичу, который, как выдающийся русский специалист по торговому праву, с особенным интересом относился всю жизнь к вопросам коммерческого образования. Но и дру-

гое здание, на том же Арском поле, которое близко к окончанию, также связано с именем Шершеневича; он был деятельным членом и казначеем организационного комитета Высших Женских Курсов; скромно было начало этих курсов, но, благодаря энергии профессорского персонала, курсы вполне упрочились, и собственное прекрасное здание, в которое они перейдут в 1913 г., является залогом их дальнейшего развития и расширения. Шершеневич горячо отдавался своей профессорской деятельности и своим общественным обязанностям. Но 1905—1906 гг. поставили перед всяким русским гражданином другие запросы, звали энергичных людей к другой более широкой деятельности. Шершеневич — поляк по происхождению — сознавал себя гражданином Великой России; он принял на себя почетную обязанность первого депутата Казани в первой Государственной Думе и вложил в исполнение этой почетной и тяжелой обязанности и свою трезвую мысль и работоспособность и ту гуманность, которые его отличали. Здесь не место говорить подробно о его политической деятельности; но я не могу не выразить возмущения, охватившего меня, когда я прочел на днях в одной казанской газете упрек, брошенный покойному за то, что он настаивал на внесении вопроса об амнистии в ответ первой думы на тронную речь. Кто знал доброе сердце и гуманность покойного, знал, что когда Шершеневич говорил об амнистии, он говорил под влиянием своего доброго сердца и говорил, как гражданин, которому дороги мир и успокоение родной страны.

После роспуска первой Думы Шершеневич снова возвратился к преподавательской деятельности в московском университете и коммерческом институте. С болью сердца он разрывает с московским университетом, когда приходит к убеждению, что этого требует достоинство профессора, и с тем большею энергиею отдается работе в коммерческом институте и университете Шанявского. О его горячей любви к учебным заведениям, в которых он работал, к учащейся молодежи свидетельствует его духовное завещание: почти все свое состояние покойный оставил московскому и казанскому университетам и коммерческому институту; авторское право на свои ценные сочинения он передал московскому университету с тем, чтобы доходы шли на помощь бедным студентам.

Отблагодарить Шершеневича за его любовь к университету и учащейся молодежи мы можем только, следуя его общественным и педагогическим заветам. Мы будем следовать его общественным заветам, если будем служить тем идеалам права, добра и любви, которым служил покойный, и не позволим в пылу партийной борьбы бросать грязью в людей, подобных Шершеневичу. Мы будем следовать его педагогическим заветам, если будем содействовать развитию действительности обществ, объединяющих педагогов. Педагогическому обществу в казанском крае с его инородческим населением предстоит особенно интересная и трудная работа. Но эта работа необходима для умственного прогресса России, которому с такою любовью служил покойный товарищ. Двенадцать лет тому назад в речи, сказанной при открытии нашего педагогического общества, я противопоставил наши идеалы гармонического образования схоластическому книжному образованию Китая; но за эти 12 лет Китай сбросил с себя оковы иссушающей ум

и сердце схоластической системы. Много ли мы за эти 12 лет приблизились к идеалам наших великих учителей-педагогов?

Текст печатается по изданию: Труды и Протоколы Педагогического Общества при Императорском Казанском Университете. 1913. Т. II. Кн. 2. С. 1–3.

Габриэль Феликсович Шершеневич¹ **(В. Краснокутский)**

31 августа 1912 г. скончался незадолго перед тем покинувший Московский Университет профессор юридического факультета Габриэль Феликсович Шершеневич, скончался в полном расцвете духовных и творческих сил, подкошенный быстро развившимся наследственным недугом.

Покойный профессор происходил из польской дворянской семьи и родился 1 января 1863 г. в Херсонской губернии. Среднее образование он получил в Казани, а затем там же окончил в 1885 г. юридический факультет Казанского Университета, со степенью кандидата юридических наук, по представлении работы «Об акционерных компаниях». В том же году он оставляется для приготовления к профессорскому званию по кафедре торгового права, сдает в 1887 г. магистрантский экзамен, а в 1888 г. чтением двух пробных лекций: «О праве замужней женщины на производство торговли» (по собственному избранию) и «О чеках» (по назначению факультета) открывает себе путь к преподавательской деятельности в качестве приват-доцента по кафедре торгового права. Будучи позднее утвержден по кафедре гражданского права в Казанском Университете, Г. Ф. возвращался дважды к преподаванию торгового права с 1896 по 1898 и с 1900 по 1904—1905 уч. г. Чтение этого же предмета было принято на себя Г. Ф. и по перемещении в 1906 г. в Московский Университет.

Степень магистра гражданского права Г. Ф. была получена в 1888 г. от Московского Университета по защите диссертации о «Системе торговых действий. Критика основных понятий торгового права». По защите в Казани докторской работы «Авторское право на литературные произведения» в декабре 1891 г., Г. Ф. в следующем году назначается профессором Казанского Университета по кафедре торгового права и торгового судопроизводства, а с 1896 г. перемещается на кафедру гражданского права и судопроизводства. С этих пор преподавательская деятельность Г. Ф. Шершеневича продолжается до начала 1906 г., когда, вследствие избрания депутатом от города Казани в 1-ую Государственную Думу, он покидает профессуру. Почти одновременно, по представлению юридического факультета, Совет Московского Университета постановил ходатайствовать о перемещении Г. Ф. в качестве экстраординарного профессора по кафедре торгового

---

¹ Данная статья была помещена также в качестве предисловия к первому посмертному (7-му, по общему счету) изданию «Учебника торгового права» Г. Ф. Шершеневича (М., 1914); два ее последних абзаца, как относящиеся только к этому учебнику, в настоящем издании не печатаются. Кроме того, данная статья уже перепечатывалась в современных изданиях, во-первых, указанного «Учебника» (М., 1994. С. 16—21), а во-вторых — «Курса торгового права» Г. Ф. Шершеневича (Т. I. М., 2003. С. 7—13).

права, но в виду последовавшей уже отставки и принятия Г. Ф. депутатских полномочий, могло состояться назначение его лишь сверхштатным профессором Московского Университета по названной кафедре. В этом звании он остается до 28 февраля 1911 г., когда согласно прошению увольняется из Московского Университета. Последний год жизни Г. Ф. нес преподавание гражданского и торгового права в Московском Коммерческом Институте.

Научный облик почившего Г. Ф. трудно обрисовать в немногих чертах и определить его место в истории русского юридического просвещения. Слишком многогранна его личность, многосторонни интересы и сложна неустанная работа пересмотра, проверки и обновления своих взглядов на коротком протяжении 24 лет научной деятельности. Можно только сказать, что он по преимуществу был догматиком права, но с таким широким захватом исторических, социологических и философских элементов, какой так редко сочетается в одном лице. Первые монографические работы и общие курсы торгового (1888 и 1894) и гражданского права (1894) уже обнаружили в нем качества догматика синтетического склада. Углубленное исследование текстов положительного законодательства и судебной практики в этих произведениях несколько отстывает перед задачей охватить известную область права в ее целом, расположить и систематизировать данный уже материал по расширенному и вновь координированному плану. Таким путем мозаичная работа предыдущих исследователей в трудах Г. Ф. по частному праву, особенно торговому, впервые сомкнулась в цельную картину системы. Но начатая работа обобщения неудержимо влекла Г. Ф. дальше. В «Курсе гражданского права» (1901—1902) исследование методических приемов права переносит центр исследовательского интереса на изучение вопросов общей теории права. Рамки частного оказываются перейденными, и в «Истории философии права» (1904) рассматривается последовательная смена взглядов на взаимоотношение права и государства. Проверке и пересмотру подвергаются уже вопросы публичного права, и на почве добытого материала рождается мысль о высшем юридическом обобщении, философии права. Она по мысли Г. Ф. должна охватывать три ветви: общую теорию права, философию права и политику права. С 1911 г. появляются отдельные части общей теории права, но дальнейшая работа пресекается неумолимой смертью. Все время параллельно развивается и аналитическая, ремесленная так сказать, работа догматика над пересмотром и новой обработкой положительного законодательства в «Курсе торгового права» и «Учебниках» (издания 1911—1912 гг.).

Оставленное Г. Ф. научное наследие показывает, как неустанно рос и зрел его синтетический талант, расширялась аналитическая работа, какой силы уравновешенной объективности достигало уже его изложение. Вместе с тем в неустанном распространении поля своих исследований все на новые области права Г. Ф. достигалась и другая цель. Под спокойным покровом позитивного изучения действующего права и трезвого исследования исторических его оснований раскрывался горячий призыв к социальному идеалу. Только содержание его, согласно общему позитивному

взгляду Г.Ф. на природу права, раскрывалось в изучении изменчивого содержания различных областей права.

В области работ Г. Ф. по частному праву центральное по своему значению место занимают «Курс» и «Учебник торгового права» и «Учебник русского гражданского права». Для оценки значения этих руководств нужно иметь в виду состояние учебной литературы по частному праву к началу девяностых годов прошлого столетия. Она только еще зарождалась на основе оригинальных исследований в работах немногих цивилистов, разбросанных по разным университетам России. Между тем в среде рядового студенчества, волна которого вровень с ростом общественного развития и самоопределения, росла в столичных и провинциальных университетах, ощущался духовный голод по систематическим пособиям и руководствам, с трудом утоляемый местными силами. На эту жаждущую ниву и вышел Г. Ф. со своими руководствами и всю тяжесть работы один взял на себя. Борозду за бороздой проводил он каждым изданием своих руководств в общественном сознании, углубляя ее каждый раз, захватывая новые глубины. На «Учебниках» Г. Ф. молодые поколения знакомились со строением гражданского общества, законами, управляющими гражданским и торговым оборотом. Не совсем удачно, по указанию критиков, выполнялись детали работы, но в общем задача была понята и выполнена верно. Если первоначально кое-где неправильно были поставлены леса, двинуты не те пружины, то в новых изданиях эти недостатки устранялись. Над этой работой усовершенствования покойный Г. Ф. трудился, не покладая рук, до последнего вздоха, и новым поколениям оставил очищенные до кристаллической прозрачности руководства.

Научный характер и значение цивилистических трудов Г. Ф. нашли свое признание и в судебной практике и оказали на нее огромное влияние. Напомним решение гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, где по поводу договора текущего счета, имя Г. Ф. поставлено во главе представителей научных воззрений на этот институт (1907 г. № 18). В его же трудах сенатская практика нашла исход в своих колебаниях по вопросам, связанным с подробностями заключения и действия договора личного найма, юридической природы торгового дома и другим ...

Наконец, Высочайше учрежденная комиссия по составлению проекта Гражданского Уложения, вырабатывая текст и систему законов проекта, на всем протяжении своих работ, и особенно в книге V, посвященной обязательствам и объединяющей институты гражданского и торгового права, принимала то или другое отношение к высказанным Г. Ф. взглядам, чем, в свою очередь, были вызваны и доклады, и статьи Г. Ф. по поводу работ комиссии, и особенно книги V.

В связи с этими работами и выраженными Г. Ф. пожеланиями реформ по отдельным вопросам частного права, Г. Ф. занялся и общим вопросом о кодификации гражданского права в России. Истории кодификационных работ на Западе и в России посвящен II выпуск «Курса гражданского права». В результате своих исследований Г. Ф. пришел к заключению о безусловной необходимости кодификации гражданских законов, распростра-

нения действия ее и на местные системы гражданского права, действующие в России, и на крестьянскую массу. Идея устранения дуализма в частном праве и объединения гражданского и торгового кодекса, практически примененная составителями проекта Гражданского Уложения, нашла у Г. Ф. полное признание и поддержку¹. Позднее, в 1906 г., Г. Ф. в журнальной статье², признавая, что в переходные эпохи, подобные переживаемым, основные принципы права подвергаются переработке, признал возможным отказаться от обновления всего гражданского уложения и предлагал пока ограничиваться изданием отдельных законов.

Свои теоретические взгляды на общие вопросы права Г. Ф. изложил в появившихся в печати выпусках общей теории права. Философия права ищет постоянного в сменяющемся, но научной остается, поскольку строит свои понятия только на положительном праве, а не подставляет свои идеальные представления (с. 20). Для построения такой философии права дают материал общие части специальных юридических наук. Обобщение этих данных и составляет задачу общей теории права (с. 43). Однако определение самого права в пределах юридических невыполнимая задача. Здесь необходимо содействие социологии и этики (с. 47). Отношение философии права и социологии состоит в их взаимном сотрудничестве (с. 56). Подобно праву и понятие о государстве только социологическое (с. 213). Реально существует только индивид (с. 147), но общество обращает его в средство достижения целей и всегда будет так поступать, пока не утратит инстинкта самосохранения (с. 148). Социальная норма характеризуется повелением, угрозой, содержащейся в обращении к индивиду со стороны государства. Но само государство не вступает при этом в какое-то юридическое отношение к подданным и не занимает положения субъекта права (с. 211). Невозможность юридического определения понятия о государстве вытекает из недопустимости двойственного определения одного и того же понятия — социологического и юридического (с. 212). Таким образом, Г. Ф. приходит к заключению, что право есть равнодействующая двух групп интересов — властвующих и подвластных, а само право является «хорошо понимаемой политикой силы». Благоразумие принуждает властвующих к самоограничению (с. 311). В связи с теорией принуждения в учении о праве стоит и теория первенства государства над правом, как своим производением (с. 314). Обоснование необходимости права строится на доказательстве его исторической необходимости не только в прошлом, но и в данный момент (с. 357). Из изложенного явствует, что Г. Ф. в основных своих воззрениях на право и государство во многом сходится с Герингом в его учениях о значении целей, принуждения и интересов. В отличие от него, Г. Ф. значительно расширил привлекаемый материал и на нем проверил и сделал дальнейшие выводы. Нельзя также не заметить сильного влияния английского позитивизма и английской аналитической школы права (Дж. Остина), придавших взглядам Г. Ф. такое единство и последовательность.

---

¹ Задачи кодификации гражданского права в России, гл. VII.

² Право. 1906 г. № 1.

В многосторонней личности Г. Ф. талант ученого соединялся с блестящим даром преподавания и педагогического дарования. Не только практически, но и на страницах журналов он не раз подвергал рассмотрению вопрос о реформе высшего юридического образования и высказал между прочим интересные мысли «О порядке приобретения ученых степеней» (см. одноименную брошюру, Казань, 1897 г.). Указав, что центр тяжести проверки теперь перешел на предварительное рассмотрение диссертаций в факультетах, Г. Ф. признает, что диспут публичный является излишним и вредным моментом (с. 13). Диспуты обращаются в даровое зрелище, нередко очень веселое, для праздных зрителей (с. 17). Для установления же правильной оценки представляемых работ Г. Ф. предлагал передавать их для отзывов во все факультеты, а затем их могло бы централизовать Министерство Народного Просвещения или Академия Наук (с. 25).

При той разносторонней и кипучей научной работе, какую развил Г. Ф., он находил возможным отдавать много сил и служению на общественном поприще. Так, Казанское Юридическое Общество, сыгравшее такую роль в деле распространения и укрепления в обществе правовых воззрений по всему Поволжью, многим обязано Г. Ф. как председателю, так и активному участнику и члену (см. Протоколы Каз. Юрид. Общ. за 1899—1904 гг.).

По переселении в Москву кипучая организаторская деятельность Г. Ф. раскрывается с новой силой. При его горячем содействии и отчасти и руководстве развивается деятельность Московского Общества Народных Университетов, Московского Коммерческого Института и состоящего при Московском Университете Юридического Общества. В историю этих ученых, учебных и просветительных учреждений имя Г. Ф. вписано неизгладимыми чертами.

...

Текст печатается по изданию: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1912 год. М., 1913. С. 14—22.

Памяти двух русских цивилистов¹ (М. Пергамент)

Истекший 1912 год ознаменовался тяжелой и горестной утратой двух выдающихся представителей научного правоведения в России. На протяжении нескольких дней один за другим сошли в могилу бывший профессор Московского университета Габриэль Феликсович Шершеневич (скончался 31 августа) и заслуженный профессор, почетный член университетов Св. Владимира и Юрьевского Иван Егорович Энгельман (4 сентября).

...

Несложна с внешней, чисто фактической стороны и биография Г. Ф. Шершеневича. Родившись в 1863 г. на юге России, в Херсонской губернии, Шершеневич еще в отрочестве оказывается в Казани. В Казани он посещает гимназию, а затем университет, при котором оставляется для усовершенствования в науках, в Казани же он становится университетским преподавателем, сперва в звании приват-доцента, а позже, по защите своей второй, докторской, диссертации об «Авторском праве на литературные произведения» (1891), и в качестве профессора. Освободительное движение и вслед за ним обновление нашего политического строя отрывают на время Габриэля Феликсовича от тихих любимых занятий. Его избирают в Государственную Думу, и в ней он — один из деятельнейших, полезнейших, виднейших народных представителей первого созыва. В наступившее после того пятилетие, от 1906 по 1911 гг., Шершеневич служит Московскому университету. Его плодотворная работа в этот период поражает своей интенсивностью, своей напряженностью. Она пресекается в университете, когда вместе с рядом других выдающихся членов автономной коллегии Шершеневич, в чутком понимании своего долга ученого и гражданина, отказывается от университетской кафедры, покидает старейший рассадник у нас высшего знания.

Ни тот ни другой покойный ученый не был *только* цивилистом. Нет, оба по всей справедливости могут и должны быть названы настоящими энциклопедистами в науке права. До того разнообразны те юридические дисциплины, которым они отдавали свои недюжинные силы.

...

---

¹ Статья приводится с сокращениями; при всем нашем почтении и пиетете перед Иваном Егоровичем Энгельманом, мы все же считаем возможным позволить себе, руководствуясь целью настоящего издания, опустить здесь характеристики, относящиеся исключительно к нему и не касающиеся личности Габриэля Феликсовича. Полный вариант статьи см. (помимо оригинального источника) в переиздании работы И. Е. Энгельмана «О давности по русскому гражданскому праву» (М., 2003. С. 100—108).

Не менее многосторонним должен быть назван талант Шершеневича. Габриэль Феликсович написал выдержавшую два издания «Историю философии права»; им же написана «Общая теория права», которая и в наличном, неоконченном виде, в пределах своих трех появившихся выпусков, бесспорно, представляет интересное, широко задуманное руководство, убедительно свидетельствующее о синтезе мысли и работы составителя. Но в особенности не приходится, очевидно, забывать, что Шершеневич прежде всего — коммерсиалист, что центр его ученой и преподавательской деятельности, очевидно, не в ином чем, как в сфере науки *торгового* права и ее разработки и изложения. В этом отношении — если даже и забыть об отдельных монографиях и статьях, сюда относящихся, — достаточно только напомнить об *основном* труде Шершеневича, его капитальнейшем «Курсе торгового права» (4-е изд., 1908—1912, тома I—IV), вместе с его же «Учебником торгового права» издававшимся многократно и ставшим незаменимым пособием для всякого, кто приступает к изучению русского торгового права.

Но обратимся к главнейшим *цивилистическим* трудам отошедших от нас ученых — цивилистическим в более строгом смысле слова. На страницах «Вестника *Гражданского* Права» читателю естественно ожидать, что именно этим трудам и их характеристике уделено будет пусть небольшое, однако преимущественное место.

...

«Наиболее важными произведениями Г. Ф. Шершеневича, — писал я в другом месте¹, — доставившими ему не только почетную, но и чрезвычайно широкую известность, должны быть признаны в области гражданского права — так же точно, как в области права торгового — не какие-либо специальные исследования монографического типа, не работы, посвященные детальному выяснению тех или иных частных вопросов и проблем. Нет, это труды иного характера, это целые обзоры преподававшейся Шершеневичем науки, это, во-первых, его «Учебник русского гражданского права» и, во-вторых, «Курс гражданского права».

Бесспорно, Габриэль Феликсович немало потрудился в нашей области и монографически. В дополнение к уже известному нам из предыдущего «Авторскому праву» я отмечу, в виде только одного примера, его оригинальную книгу «Наука гражданского права в России», с ее увлекательно написанным «Заключением» о господствующей у нас розни между теоретической и практической юриспруденцией и причинах такого «в высшей степени печального явления современной русской правовой жизни».

И все же, несмотря на всю полезность этих работ Шершеневича, наше утверждение о преимущественном значении его *общих* трудов должно быть оставлено в полной силе. Ибо именно в них, этих произведениях общего, синтетического, сводного содержания, всего полнее и сильнее, всего лучше сказались свойства и особенности дарования Габриэля Феликсовича.

Настольная книга всякого русского цивилиста, «Учебник русского гражданского права» проф. Шершеневича (10-е изд., 1912), как в фокусе отра-

---

¹ См.: *Пергамент М. Я.* Памяти Шершеневича // *Право.* 1912. С. 1957—1966.

жает все сильные — однако и слабые — стороны творчества автора. Здесь необыкновенно важное *сочетание* догматической обработки с обсуждением историческим и освещением цивилизно-политическим, критическим; законодательства с судебной практикой и научной литературой; сочетание права своего, отечественного, с правом Западной Европы — Франции, Германии, Англии, — и притом такое, что налицо оказывается элемент также *сравнительно-правовой*. Насколько ценно и важно подобное многообразное и гармоническое объединение названных методов и элементов не требует, конечно, пояснения. Но, с другой стороны, нельзя не признать и того обстоятельства, что *выполнение* — правда, более чем трудной — задачи не всегда находится на абсолютной высоте. Юридический анализ, правильность конструкции, точность формулировки, некоторая техника — эта часть дела нередко оставляет желать лучшего. И самые горячие поклонники таланта Габриэля Феликсовича не станут здесь спорить. Но зато как отрадно в том же руководстве постоянное выдвигание автором *экономического* значения института, его *социальной* роли, поставление института в прямую и тесную связь с жизнью и ее нуждами. Другое крупное достоинство «Учебника», к тому же особенно характерное для нашего писателя, — это чрезвычайная ясность и живость мысли — качества, которым отвечает как нельзя лучше удивительная простота и наглядность, порой настоящая художественность согретого чувством изложения.

Наконец, еще одна черта заслуживает, бесспорно, внимания. Мы имеем в виду энергичное, принципиальное и последовательное — как в данном труде, так и в прочих трудах своих — проведение Шершеневичем начала *законности*. «Только это начало, — говорится в статье “Применение норм права”, — совместимо с идеей правового порядка». «Пользование противоположным принципом, началом целесообразности, полно общественных опасностей». Конкретных примеров того, как Габриэль Феликсович понимал и применял означенное начало, можно бы привести множество. Я ограничусь только одним, связанным для меня с личным воспоминанием. Этот пример вместе с тем покажет, с какой неуклонностью — чтобы не сказать педантичностью — Шершеневич был способен держаться проповедуемого им принципа.

Несколько лет тому назад пишущему эти строки, в бытность его профессором Петербургского университета, было поручено Советом и юридическим факультетом университета дать свое заключение по одному вопросу, вставшему в то время пред нами. Вопрос заключался в том, вправе ли университет принять участие в постановке памятника своему знаменитому ученому, покойному Д. И. Менделееву, — точнее, вправе ли университет внести и свою лепту в общую массу пожертвований на эту цель.

«Заключение» распалось на две части. В первой из них доказывалось, что громкий вопрос о правоспособности юридического лица должен разрешаться в смысле ее *ограниченности*, в зависимости от преследуемых данным совокупным образованием целей, или, говоря проще, в зависимости от его устава. Во второй после того части, и при этой общей позиции, обосновывалась полная тем не менее возможность и *правильность*

утвердительного ответа на предложенный вопрос о праве университета («К вопросу о правоспособности юридического лица»).

Габриэль Феликсович протестовал. Он тотчас же написал мне, что с первой частью моей брошюры согласен вполне, но что вывода, сделанного во второй ее части, разделить не может: университет-де не имеет права отчислять суммы на памятник, находящийся *вне его стен*. В свою очередь, я возражал. Помню, как раз в те дни в Москве происходило открытие памятника Гоголю, причем Петербургский университет счел долгом поручить своему депутату на торжестве открытия возложить венок у подножия памятника. Вот я и спросил Г. Ф.: как же, с его точки зрения, надлежит смотреть на *данный* расход, произведенный университетом? Неужели и в этом случае признать затрату неправомерной? И снова без замедления пришел ответ: «Остаюсь последовательным и говорю, что университет и на это права не имел». А затем в «Учебнике» следующего, 8-го издания, в параграфе о юридическом лице, появилась обширная вставка соответственного содержания.

...

Все сейчас подчеркнутые моменты — и сугубое внимание к хозяйственному строю, и критическая, а равно сравнительная трактовка права — все они, бесспорно, *сближают* двух усопших цивилистов, — как в свою очередь их сближают и энциклопедичность, отмечавшаяся нами раньше, и строгая законность, присущая обоим в абсолютно высокой степени.

Но и в другом еще сходятся И. Е. Энгельман и Г. Ф. Шершеневич при всей разности происхождения и поколения, темперамента и симпатий, политических убеждений и личной судьбы.

Оба не только писатели-энциклопедисты, но и писатели на редкость продуктивные. В «Биографических словарях профессоров и преподавателей» университетов Дерптского и Казанского можно найти перечни их трудов; эти перечни способны изумить — до того велико количество содержащихся в них названий работ, больших и малых.

Притом в основе продуктивности и Энгельмана, и Шершеневича, несомненно, лежат одни и те же свойства. Помимо трудолюбия, методического и неутомимого, неутомимого до крайних пределов, до последних часов жизни, невзирая на болезнь и страдания, нельзя не видеть еще огромной отзывчивости, психологической прямо потребности откликнуться, реагировать на представшие, назревшие вопросы современности — вопросы науки, вопросы практики.

И эта же отзывчивость едва ли не главнейшая вместе с тем причина того участия обоих ученых в «общественной» и даже политической жизни страны, в котором не счел себе вправе отказать: один — России, другой — своей «engere Heimat».

Духовный образ усопших в глубоко признательной памяти нашей объединяется еще последним.

Как учителя, как независимые и правдивые, как искренние друзья юношества Шершеневич и Энгельман точно так же стоят рядом. Своим слушателям они не только сообщали знания — они вселяли в них интерес и любовь к праву и его науке и будили решимость работать; они убеж-

дали в неизмеримой ценности устойчивой правовой культуры и делились с аудиторией бодрящей верой в постепенное совершенствование начал и условий правового существования.

Текст печатается по изданию: Вестник Гражданского Права.
1913. № 1. С. 5—13.

Габриэль Феликсович Шершеневич¹ (М. Винавер)

Мы встретились впервые в январе 1906 г. Сознаюсь: редко в жизни я испытывал большее — и если иметь в виду, прежде всего, эстетические, зрительные впечатления — более приятное, разочарование. Не знаю, по какой ассоциации идей, вероятно, в связи с грудой написанных им уже к тому времени цивилистических книг, — я представлял его себе грузным, тучным, лысым, с очками на лбу, углубленным в книги, неподвижным гелертером немецкого покроя. А увидел я необыкновенно изящного молодого человека, невысокого, стройного, худого, изысканно одетого, с лесом светло-русых волос на голове, с голубыми бархатными глазами, с тонкими, почти детски нежными чертами лица и с особенно резко выделявшимися из-под усов на фоне чисто выбритого подбородка, красиво очерченными губами, складывавшимися в очаровательную, юношескую улыбку. Было в его фигуре нечто, что в детские годы делало его, вероятно, похожим на амура, в юношеские — на Ганимеда, что и в зрелые годы придавало ему какой-то отпечаток особой женственности. И, когда я глядел на него, как он быстрым, изящным движением почти что вспрыгнул на трибуну и заговорил своею быстрою, бисерною речью об очередном тактическом вопросе момента (дело происходило на съезде партии к.-д. в Петрограде) — я все глазам своим не верил и все сомневался: да тот ли он самый? тот, который и учебник гражданского права, и учебник торгового права ... и курс гражданского права, и курс торгового права и столько в них параграфов, и столько кропотливых цитат набрал, и столько кассационных решений, — и все это привел в систему и связал, и объединил, и профильтровал, и еще, кроме того, столько статей и монографий? ... Перед памятью проходили вереницею заглавия, заглавия, тома, параграфы ... Да нет, это не он: когда же он все это мог проделать? и мыслимо ли, чтобы всем этим занимался этот жизнерадостный, казалось бы, только для жизни и звуков сладких рожденный, человек, — этот загорающийся молодым румянцем агитатор, который так возбужденно и взволнованно говорит о тактической задаче, как о самом душевном своем деле, и требует, так настойчиво требует большей решительности в действиях, большей широты в наделении неимущих классов, большей смелости в приближены программы к социалистическому идеалу?

---

¹ Первый — несколько более краткий — вариант данной статьи был напечатан М. М. Винавером годом раньше в сборнике «К 10-летию 1-ой Государственной думы» (Пг., 1916. С. 195—199); он же воспроизведен в качестве предисловия к изданию «Курса гражданского права» Г. Ф. Шершеневича (Тула, 2001. С. 7—10).

Очень скоро молодой, горячий, изящный Шершеневич отстранил из моих представлений того первого, обрюзглого, заплывшего, погруженного в книги, — Шершеневича, никогда реально не существовавшего.

Проблему двух Шершеневичей сам он склонен был объяснять обстоятельствами случайными, нашим безвременьем: «В то время, когда престарелый Фауст, истомленный долгим исканием истины, подносит к устам кубок с ядом, в окна его мрачного кабинета врывается молодая, веселая песнь, — рука дрожит, и яд разливается по полу. Но в кабинет русского ученого, как бы глухо ни были закрыты его окна, доносятся жалобы и стоны, и капля по капле вливают яд в его жизненную чашу. Не может русский ученый отдаться всецело науке. Держа в одной руке светильник знания, он на другую руку надевает щит гражданина, чтобы охранить священный огонь от холодного ветра, сквозняков и вихрей»¹.

Этот красивый образ, которым Шершеневич-ученый желал объяснить «весь драматизм положения русского профессора», едва ли, однако, исчерпывает все душевные мотивы Шершеневича-политика и общественного деятеля. Не только «для охраны священного огня» знания он надевал «щит гражданина». Щит и меч борца шли к нему, просто в виду потребностей его натуры, живой, впечатлительной, отзывчивой на действительные призывы к добру, к социальной справедливости. Он и в науке, при всей разносторонности и плодовитости, не был начиненным книгами, глухим к жизни педантом — он и там был необычайно впечатлителен на внешние явления, на чужую мысль, на всякое новое жизненное движение. По легкости и некоторой игривости ума, он все это легко, игриво и не слишком глубоко воспринимал и отражал. Та же впечатлительность в восприятии и та же импульсивность ответов на внешние явления характеризовали его в политике, — они, можно сказать, и сделали его политиком. И не будь он ученым, профессором, занимай какое угодно иное положение, общественная волна все — равно подняла бы его и дала бы ему в руки «щит гражданина».

Став политиком, он набросился прежде всего на тот вид политической деятельности, который был ему наиболее сроден — на популяризацию идей. Новая политическая вера, внезапно, точно откровение, снизошедшая на неподготовленное общество, нуждалась на первых порах больше всего в проповедниках — убежденных, а главное, умеющих ясно растолковывать новые символы, пересоздавать старые катехизисы, прояснять носящиеся в воздухе туманные термины, связывать воедино рассеенные отрывки новых систем. А именно этот дар — объединение разрозненного, конкретизация абстрактной мысли, умение среди спутанных контроверз находить простую, ясную, среднюю линию, — и составлял всегда *faculte maltresse* Шершеневича. Он присущ всем юридическим его трудам, он сказался и во всех его поистине образцовых, популярных брошюрах, лекциях и статьях на политически темы. Темы эти необычайно разнообразны: «Аграрный вопрос», «Конституционная монархия», «Амнистия без исключения», «Равноправие женщин», «Приказчики», «Община и основные законы», «Раскол среди социал-демократов», «Новые члены Гос. Совета» и даже

---

¹ С. А. Муромцев как ученый, в сборнике «Сергей Андреевич Муромцев». С. 80.

«Революция и Гражданское уложение». И везде та же простота и та же кристаллическая ясность.

Начиная с 27 апреля 1906 г., мы провели с ним вместе 72 дня в латах «гражданина» на самом высоком «гражданском» посту. За все это время я ни разу не вспомнил, что имею дело с собратом — цивилистом. Мы никогда не говорили о цивилистике. Один только раз, помнится, мы коснулись нашей сферы: он изливал скорбь по поводу того, что нам не дают в первую Думу проекта гражданского уложения.

— Муромцев, Петражицкий, да и мы с вами вдвоем — быстро бы мы тут уложение соорудили. Нужен же случай, чтобы среди политиков, шедших сюда с совсем другими лозунгами, оказалось столько цивилистов! И когда их соберешь опять так всех вкупе ...

Эта элегическая нота на цивильную тему вырвалась случайно; вообще же нам было не до уложения, — про цивилистику мы вообще основательно забыли, и основательнее всех забыл Шершеневич, тот самый, который ранее по справедливости мог сказать о себе: *nulia dies sine linea* в области цивилистики. Со всем душевным пылом он ушел в очередные политические вопросы. Он отдал себя на служение новому делу целиком, не отказываясь ни от какой работы, как бы она ни была незначительна и далека от обычного его круга мыслей. Он принял, не совсем как будто по чину ему подходившую, должность товарища секретаря и с особою торжественностью публично оглашал в Думе поступающие заявления¹, с усердием подсчитывал, стоя у двери, голосующих, когда результат первого голосования оказывался сомнительным, — охотно брал на себя скучнейшие доклады по проверке выборов и сделал таких докладов больше, чем кто-либо из нас; взял на себя и единственный, весьма тягостный, доклад об отмене выборов, как произведенных под давлением администрации². И рядом с этим с жаром брался выступать по обще-тактическим, наиболее ответственным тогда вопросам.

«Тактик» он был не настоящий: слишком для этого много в нем было возбудимости и непосредственности, слишком мало для тактика «научной» уравновешенности. Помню первый день Думы, когда возвращающиеся из Зимнего Дворца депутаты встречались ликующею столичною толпою, и когда среди радостных возгласов толпы пронеслось и раскатилось по всему городу слово: «амнистия». Волнение охватывало всех; самые спокойные люди в нашей среде еле сдерживали порыв, Шершеневич, бледный, весь дрожа, бегал из угла в угол по кулуарам Думы и все просил, со слезами на глазах просил:

— Ради Бога, требуйте немедленно амнистию, — как можно не отвечать на этот крик души народной? Не ждите, не готовьте сложных ответных адресов, — требуйте амнистии, и она дастся.

Больших трудов стоило успокоить общее волнение и в особенности волнение нашего бурного цивилиста. Зато не прошло получаса, как он с такою же бурною радостью, с просиявшими глазами, потрясал руку тому, кто

¹ Ср. Стенографический отчет 1-й Думы. С. 560.

² Там же. С. 1507, 1512.

нашел выход из положения, — выход, спасающий и Думу, и самый вопрос об амнистии:

— Гениально, гениально! Как вам везет сегодня на выдумки! Вы нас спасли ...

И через два дня, когда улегшаяся была волна опять поднялась — на этот раз только среди более левых кругов, — он уже так проникнут был тревогою за судьбу Думы, что просил разрешить ему, именно как бывшему стороннику решительных мер, отстоять публично точку зрения интересов Думы. Миссию эту он исполнил с большим подъемом и волнением:

— Вчера ораторы с такою яркостью подчеркивали желание, перешедшее даже в требование народа, — все здесь присутствующие охвачены одним желанием: чтобы были освобождены те, которые понапрасну томятся в тюрьмах ... Все в России, имеющие уши, слышали это желание народное, и не на Думе будет лежать уже ответственность за то, что не исполнено это народное желание ... Но если мы выделим этот вопрос особо, то мы идем на конфликт. Я думаю, что он неизбежен. В самом деле, нам предлагают послать сегодня телеграмму, предлагают послать депутацию, но каково будет положение Думы в том случае, если не будет ответа на телеграмму, если посланная депутация не получит утвердительного ответа? Мы, уважая себя, уважая свои права, должны будем идти на конфликт ... Господа, вы сами не раз здесь говорили: народ послал своих избранников с требованием земли и воли. Может ли Дума разойтись, бросить свою работу, не заявив этого основного требования? ... Если бы нас разогнали, если бы распустили Думу, или Дума сама разошлась, не заявив требования о земле и воле ... то наши избранники скажут: «мы вас послали требовать земли, требовать свободы, а вы, не заявив этих требований, довели дело до столкновения и разошлись» ... Партия народной свободы не будет избегать конфликта, но пусть этот конфликт произойдет тогда, когда мы с уверенностью можем сказать, что с нами безусловно весь народ ... Если столкновение возникает на почве социальных вопросов, тогда, господа, конфликт не так страшен, потому что тогда мы рискуем только одним, только собою, а не народным благом.

Несмотря на горячность, с которою речь была сказана, несмотря на легкость ее формы и благородство основного мотива, она не вызвала тогда одобрения в среде партии, от имени которой произносилась (стенографический отчет не отмечает аплодисментов ни в середине, ни даже в конце речи). Не вызвала потому, что была слишком откровенна, слишком темпераментна. О конфликтах с правительством — о той почве, на которой столкновение приемлемо, и вне которой недопустимо — принято было тогда думать, но не принято было говорить; не принято было говорить и о возможности роспуска и в особенности «разгона» Думы. Это были еще первые дни жизни Думы (30 апреля 1906 г.) — готовящаяся к бою армия только еще выстраивалась, — неблагоразумно было обнажать перед врагом уязвимые места и даже публично провозглашать войну уже официально объявленной. Потому в воспоминаниях о первой Думе, написанных на свежей памяти, в начале 1907 г., отмечается по поводу речи Шершеневича: «Здесь ребром — быть может, даже с излишнею определенностью — поставлен